

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

DOI: 10.46698/x5251-7191-1718-x

ВОИНСКИЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ В ОСЕТИНСКОМ НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ: ИСТОКИ И ПАРАЛЛЕЛИ

Л. А. Чибиров
Г. Н. Вольная (Керцева)

В настоящее время накоплен значительный исторический, лингвистический археологический, этнологический материал по воинским обрядам и обычаям осетин, позволяющий рассмотреть некоторые сюжетные линии осетинского нартвовского эпоса с новых точек зрения. Новизна исследования заключается в том, что в статье используются комплексные и междисциплинарные методы, на новом материале рассматриваются исторические истоки воинских обычаев и обрядов, прослеживаемых в осетинском нартвовском эпосе, а также их исторические и этнографические параллели. Целью исследования является поиск истоков обычаев и обрядов, характерных для социального слоя мужчин-воинов, описываемых в осетинском нартвовском эпосе, а также их параллелей в исторических описаниях и зафиксированных археологией погребальных обрядах. В нартвовском эпосе описываются связанные друг с другом обычаи отрубания головы противника, скальпирования и отсечения правой руки. Для воинов-нартов характерен обряд побратимства, посвящения коня покойнику, почитание пиришественной чаши. Для реконструкции древних воинских обычаев и обрядов в сравнительно-историческом разрезе проанализированы данные археологии, античных и восточных источников, фольклора и нартвовского эпоса народов Кавказа. Методы этнологии позволяют выявить пережитки воинских обычаев, описанных в вариантах нартвовского эпоса, бытующих у народов Северного Кавказа. На основании анализа эпоса и сопоставления его с историческими источниками авторы приходят к выводу, что нартвовские сказания осетин отражают социальные отношения, обычаи и обряды военизированного общества. Такие обычаи и обряды были характерны в древности для многих индоиранских народов, в том числе персов, скифов, сарматов, алан и др. на этапе разложения родового строя, когда основным фактором экономической стабильности общества являлись военные походы. Некоторые пережитки обычаев сохранялись в обрядовой практике осетин до начала XX в. (побратимство, посвящение коня покойнику, почетный бокал).

Ключевые слова: осетинский нартвовский эпос, военно-дружинная организация, воинские обычаи и обряды, культ волка, скальпирование, отсечение головы или руки у неприятеля.

Война и связанные с ней обычаи и обряды в осетинском нартовском эпосе представлены состязаниями в воинском искусстве, обрядами побратимства, посвящения коня покойнику, отсечения руки и головы (скальпирования) у противника и другими явлениями, связанными с военно-дружинной организацией древнего общества. Преобладающий военный уклад проявляется в ранних нартовских сказаниях, где говорится о многочисленных походах нартов в поисках добычи. Воинские обычаи и обряды как нормы поведения присущи определенной социальной прослойке нартовского общества, а именно мужчинам, которые могут держать оружие и ходить в военные походы. Эта активная часть общества, которая защищает нартовское население от врагов и приносит богатую добычу из военных походов.

Для ранних сказаний нартовского эпоса характерно описание мужских союзов, которые ассоциируются с волчьей стаей. Как дети волка, нарты больше всего любят охоту, войны, набеги и походы за добычей [1, 34]. Известный воинской доблестью род Ахсартаггата дал всех знаменитых нартов, героев множества нартовских сказаний. Не случайно прародителем нартовского рода Ахсартаггата является Уархаг, в переводе «волк» (староосет.). Один из величайших нартовских героев Сослан получил неуязвимость после того, как был закален в волчьем молоке, в ряде версий волчиц для этой процедуры сгоняет и помогает доить прародительница собак Силам. С военной сферой в нартовском эпосе связано божество-покровитель мужчин, путников и воинов Уастырджи иногда представавшее в фольклоре в виде волка. Показательно, что его

имя могут произносить только мужчины, а для женщин оно табуировано и заменяется сочетанием *лагтыдзуар* («покровитель мужчин», «мужской святой»). Тесно связан с мужскими союзами и воинскими культами и покровитель волков и людей, ворующих скот, Тутыр. Во время посвященных Тутыру праздников устраивались военные игры, мужские сборы на пиршества, а также многоступенчатая инициация мальчиков, достигших трехлетнего возраста. Особую роль в ней играл обряд умирания с последующим возрождением, при котором старую душу посвящаемого уносил волк *Удхæссаг* [2, 42].

Важной частью нартовских занятий являлись походы-балцы. Они были настолько частыми, что нарты перед очередным походом интересовались, «не осталась ли где-нибудь не опустошенная ими область», чтобы туда и отправиться в поход. В нартовских сказаниях «Рождение Ахсара и Ахсартага», «Урызмаг и Харан-Хуаг» подчеркивается значимость участия в походе для героя: «Кто настоящий мужчина, пусть идет вместе с ним за этой добычей!», «Часто уходил в походы Урузмаг... не мог нарт позволить себе вернуться домой с пустыми руками».

Из чисто военной, дружинной организации нартовского общества вытекает еще одна особенность быта нартов: презрение к дряхлым старикам, неспособным уже участвовать в походах. С точки зрения нартов нормальная смерть для мужчины – это смерть в бою. Когда нарт Урузмаг одряхлел, то нартовская молодежь перестала слушать его совета, и нашлись и такие юноши, что смеялись над Урузмагом. Когда-то давно Урузмаг дал клятву участвовать в любом походе, в который его позовут. Уже будучи ста-

рым он вынужден идти в поход вместе с молодежью («Безымянный сын Урызмага»), где доказывает свою социальную состоятельность, возвращает себе утраченный статус воина.

Другим популярным занятием нартов являются шумные и обильные пиры для всего народа. На пирах центральное место отводится пиршественной чаше (кубку). Среди множества сокровищ нарты больше всего дорожили своей чашей Уацамонга («Батраз и чаша нартов Уацамонга»). В.Ф. Миллер сопоставлял Уацамонга с большой чашей, со скифским «Кубком почета» [3, 428-429]. Эта чаша имела драгоценное свойство: если кто-либо из пирующих говорил правду о своих подвигах и о доблести своей, она сама подымалась прямо к губам этого человека. Чаша Уацамонга, наполненная лучшими напитками, выполняла роль арбитра на состязаниях. Она обладала рядом достоинств, важнейшим из которых считалась неиссякаемость: когда ее содержимое иссякало, чаша чудесным образом сама собой наполнялась вкуснейшими напитками, так что нарты никогда не оставались без питья. Нартовские богатыри борются за обладание священной чашей, которая появляется на пирах, и этой чести удостоивается лишь самый безупречный герой.

В сказаниях упоминаются три золотые пиршественные чаши, что отражает сакральное число (три нартовского рода, три сына, три пирога и др.). Нарты носят такие чаши с собой в кармане, кладут за пазуху («Сослан и безвестный сын Уархага»). Изображение двух пирующих воинов с кубками встречается на бронзовом поясе из погр. №74 Тлийского могильника кобанской культуры [4, 77-78, табл. 39, 42]. В скифских погребениях

также встречаются небольшие золотые чаши для привешивания к поясу. Обычай этот уходит своими корнями в скифскую эпоху.

Прототипы чудесной чаши имеются в эпосе других индоевропейских народов. У скифов церемониальная посуда использовалась во время ритуальных действий, во время погребения или поминок погребенного. Такую чашу скифы клали в могилу с покойником. Почетный бокал-*нуазен* унаследован в традиционной осетинской культуре и передается за столом гостю или уважаемому человеку по настоящее время [5, 84].

В нартовском эпосе описывается обычай побратимства (*æрдхорд* – клятва), который характерен для воинской среды. Например, побратимами были Сайнаг-алдар и Черный Уаиг с Черной горы («Айсана»), Урызмаг и алдар Урупа. Отец Ацамаза Аца погиб в поединке с похитителем жены своего побратима Насран-алдаром [6, 3-8]. Предания и эпос сохранили память о сложных церемониях при побратимстве: смешение в бокале крови обоих участников, торжественная клятва над огнем, прикосновение к груди матери героя и др. Обряд побратимства у скифов фиксирует Геродот. «Все договоры о дружбе, освященные клятвой, у скифов совершаются так. В большую глиняную чашу наливают вино, смешанное с кровью участников договора (для этого делают укол шилом на коже или маленький надрез ножом). Затем в чашу погружают меч, стрелы, секиру и копье. После этого обряда произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши» (Геродот. IV.70). Подобное дей-

ство описывается и Лукианом в рассказах об обычаях скифов. Этот обряд иллюстрируется на золотых пластинах из скифских курганов Куль-Оба и Солоха, где два скифа, обнявшись, пьют из одного ритона. Обряд заключения союза более прочного, чем родственные узы, возникал у многих архаичных народов, когда слабели родовые связи и на смену им приходили социальные. До недавнего времени побратимство было широко распространенным обычаем у осетин [5, 298].

Среди нартов существовали обычаи состязаний в воинском искусстве. В эпосе часто упоминаются игры нартов: борьба, стрельба из лука, бег («Игры маленького Батраза»). Нартовские скачки собирали много зрителей и участников. На скачках, судя по эпосу, с нартами соревновались и боги.

Большое значение нарты придавали боевому коню. Это был верный спутник нарта в военных экспедициях. Конь нарта Сослана сопровождает героя и в Страну мертвых. В нартовском эпосе встречается эпизод с лошадей Сослана, набитой соломой и имитирующей живую. Как пишет Геродот, скифы «умерщвляют 50 человек из слуг удушением (также 50 самых красивых коней) ... вокруг могилы скифского царя устанавливались трупы лошадей, предназначенных сопровождать его в загробный мир: их резали, затем извлекают из трупов внутренности, чрево очищают и наполняют отрубями, а затем зашивают» (Геродот IV.72). В таком виде «лошади» ставились на подпорки и располагались вокруг могилы. Этот обряд имеет параллели в осетинском обряде посвящения коня покойнику *Бахфалдисын*, к нему примыкает обычай отрезания косы у вдовы как замены

реальной жертвы на символическую [5, 330].

Некоторые нартовские сказания отражают кровавые воинские обычаи: отсечение головы врага, скальпирование и отсечение правой руки.

Материалы нартовского эпоса осетин фиксируют обычай отсечения голов противника. Он восходит к скифо-сарматской эпохе и сводится к следующему. Скифы снимали головы тех, кого они убивали в сражениях, и приносили их к царю (Геродот. IV.64). Только принесший голову мог рассчитывать на свою долю добычи. У нартов отсечение головы врага считалось высшей доблестью воина, ибо эта часть тела котировалась как наиболее ценная. Насильник Елуаты Елой расправился с нартом Бзаром, отсек ему голову и упрятал ее. Когда труп без головы привезли в селение, нарты возмущенно сказали: «Если голову Бзара оставим в руках его врага, тогда мы сами должны считаться мертвецами. Не может быть большего позора, чем похоронить его изуродованным» («Нарт Бзар и его сын»). В сказаниях не раз встречаются выражения подобного рода: «Юный витязь Ацамаз в своем первом походе отрубил голову у волка с булатной пастью и дикого человека и привязал их к седлу сзади» [7, 441; 8, 328]. В лексиконе осетин до сих пор бытует выражение: «*Дæ сæр дын атæхын кæндзынæн*». – «Я отсеку тебе голову».

Впрочем, подобные меры предпринимались не только в отношении противников. Иногда отсечение конечностей было частью общественной казни. В сказании о яблоне нартов нарт Уархаг обращается к своим сыновьям с настоятельной просьбой усердно сторожить волшебные яблоки: «Если не убережете, то знайте, все три рода соберутся сюда.

По одному человеку от каждого дома пришлют они, и одному из вас отрубят голову, другому отсекут руку, и, позор мне, наденут их на копья». Если охранник не справлялся со своими обязанностями, хозяин отрубал ему голову и сажал на железный кол [7, 48-54]. Параллели уводят нас в индоиранский мир.

Отделение головы от тела убитого – весьма распространенный у первобытных народов обычай, связанный с представлениями о голове какместилище души либо некоей магической силы. Представляет интерес и обычай скальпирования голов. Согласно описаниям Геродота, скифы скальпировали головы следующим образом: они делали круглый надрез над ушами и отдирали кожу путем встряхивания. С помощью бычьего ребра они соскабливали приставшее к коже мясо, а кожу мяли потом между руками. Когда она становилась мягкой, они делали из нее утиральник для рук, который подвешивали к уздечке своего коня и которым похвалялись, ибо чем больше у скифа утиральников, тем больше у него славы и почета. «Есть много таких, которые делают себе плащи из таких человеческих скальпов, сшивая их вместе на манер пастушеских плащей» (Геродот. IV.64).

О скальпировании в евразийских областях, близких к скифскому ареалу и в его пределах, есть много данных. Они в частности связаны с захоронениями в курганах Северного Приазовья двух погребений катакомбной эпохи, захороненные в которых были скальпированы. На Алтае во втором Пазырыкском кургане в условиях оледенения было обнаружено погребение скальпированного вождя [9, 54]. Помимо скифов, скальпирование засвидетельствовано античной традицией и у их северных соседей: ан-

тропофагов (Исигон Никейский) (Плиний Старший. Естественная история. Кн. VII, гл. 2, 12) и гелонов (Помпоний Мела. Кн. II, 14) [10]. В представлении древних греков этот обычай был настолько характерен именно для скифов, что понятие «сдирать кожу с головы» греки выражают глаголом «оскифить» [11, 107]. Отрубленные головы скифы использовали для приношений и воздаяния богам. На золотом колпачке из скифского Курджипского кургана изображены скифские воины, держащие в руках отрубленные головы. На серебряном ритоне IV в. до н.э. из кургана Карагодеуашх у ног скифского всадника изображены обезглавленные тела. Этот культ фиксируется на золотой ажурной пластине из Зубова кургана IV в. до н.э. где изображен воин, несущий за волосы отрубленную голову врага.

Аналогичный обычай отрубать головы убитых врагов существовал у родственных скифам персов. Это подтверждает его общеиранское происхождение. Еще в раннесасанидское время такие головы вывешивались в престольном храме Сасанидов в Истахре, согласно Табари и актам христианских мучеников IV в. Страбон писал об ираноязычных жителях персидской области Кармания, как и скифы, поклонявшихся Аресу: «Никто из них не женится, пока не принесет царю отрезанной головы врага» (Страбон. География. XV, 2, 4). Этим же, по Страбону, отличались и какие-то фракийцы, т.н. сарапары («отрубающие головы»), которые «поселились над Арменией по соседству с гурациями и мидянами; это звероподобное, неукротимое племя горцев, сдирающих кожу с черепов и отрубающих головы, так как это и значит «сарапары» (Страбон. География XI, 14, 14).

Изображение головы, привязанной к конской сбруе, имеется на бронзовых поясах VII в. до н.э. из погр. № 76 Тлийского могильника. На одном из поясов двое мужчин трапезничают за низким круглым столом, на другом – всадник с привязанным к поясу луком и колчаном со стрелами гонит перед собой оленей и коней, а на уздечке коня висит человеческая голова [4, табл. 38-49].

Этот древний обычай Марцеллин фиксирует позднее у алан, которые «ничем так не хвастаются, как убиением какого-нибудь человека, а в виде славных трофеев навешивают вместо украшения на своих боевых коней кожи, содранные с отрезанных голов убитых» [12, 163]. По справедливому замечанию Э.А. Грантовского, указанное сообщение Аммиана Марцеллина как бы служит связующим звеном между данными скифской эпохи и осетинского эпоса о нартах [13, 73], доказывающего одновременно реальность перехода некогда «живого обычая», бытового явления в фольклорный мотив и его сохранение, «консервацию» в этом качестве. Перед нами скифо-алано-осетинская параллель, сохранившаяся в фольклоре осетин.

Нартам ничего не стоило выпотрошить убитого животного и наполнить его брюхо сеном. Нарт снял кожу с рогами козла, и затем эту кожу надел на себя, обманув великана – говорится в сказании «Урузмаг и Кривой уаиг». В критический момент Сослан зарезал одного быка, выбросил его внутренности и, войдя вовнутрь, хитростью проник в крепость Гур и победил неприятеля [7, 120]. Этот прием (отсечь голову и выпотрошить внутренности) они применяли и к людям. В сказании «Шуба Сослана» Сослан, убив человека,

снял с него скальп вместе с усами, из которых женщины и девушки нартов сшили ему шубу [14, 55-56].

Отрубив голову противнику, нарты снимали с нее кожу и надевали ее на себя. Использование черепов скифо-аланами в качестве чаш находит отклик и в нартовском эпосе. В одном сказании говорится: «Раньше все нарты могли свободно снимать свои черепные крышки и затем ставить их обратно. Нарты оставались живы и после снесения черепа. Победив в схватке Челахсартага, Сослан снес ему полчерепа. Челахсартаг поднялся на небо к Курдалагону, и тот сковал ему из меди новую крышку черепа [6, 47]. Созырыко и Батраз скальпируют своих врагов, как это делали скифы. По одному из сказаний, Батраз бросился на нартов, убил всех, а затем с трупов начал сдирать усы. Отнес их Сатане, чтобы она сшила из них шубу Урузмагу.

Аналогичный сюжет имеется как в балкарских нартовских сказаниях [15, 58], так и в вайнахских [16, 162-165 и сл.]. В одном вайнахском сказании нарт-орстхоец просит девушку сшить для него шубу из скальпов убитых им семи ее братьев [17, 78]. В другом некий Ачамаз угнетал народ, убивал многих из них, а затем задумал сделать себе шубу из людских бород, и поэтому у каждого встречного сдирал бороду вместе с кожей и шил себе шубу. Как полагает Ю.С. Гаглойти, «сравнение нарт-орстхойских и осетинских нартских сюжетов о скальпировании... не оставляет никаких сомнений в существовании двух национальных версий одного и того же эпического мотива, являющегося отголоском скифо-аланского обычая скальпирования врагов» [18]. Вышеприведенные материалы о

скальпировании подтверждают мнение ученых о том, что в нартовском эпосе немало скифо-аланского наследия.

Нарты могли использовать скальпы врага как полотенца или собрать их и сшить из них шубу. В некоторых сказаниях осетинского народного эпоса засвидетельствован обычай отсечения руки. Отсеченная рука или голова являются доказательством убийства врага, трофеем победителя. В то же время быть похороненным без головы или руки являлось позором для нартовского героя.

Обычай отсечения руки и связанные с ним культы засвидетельствованы в ряде сказаний осетинского нартовского эпоса: «Яблоко нартов», «Сослан и Тотрадз», «Сослан и безвестный сын Уархага», «Как Батраз отомстил за смерть отца», «Как нарт Батрадз нашел Бурадзага» и др. При этом акцентируется внимание на повреждении руки или рук противника как победе над ним, при этом рука является доказательством убийства врага, трофеем победителя. Рука наравне с головой в нартовском эпосе является идентификатором персонажа. В нартовском эпосе Сослан клянется рукой: «Пусть бы нарты съели мою правую руку...» Нарты не съели его правую руку, но юному Тотрадзу удастся ее отрубить, принести матери и сказать: «Вот тебе правая рука Созырыко, испившего моей крови и обидевшего тебя»... Мать обещает приносить жертвы как покойнику и молить его как духа и просить: «Теперь же ты возврати руку Созырыко, приложи к телу его, потому что у нартов такой обычай, солнышко: не хоронить мертвых, если нет какой-либо части тела» [19, 325-326].

Бронзовые портупейные пряжки и привески в виде кисти руки или пред-

плечья иногда встречаются в погребениях кобанской культуры, и они, видимо, связаны с описанным в нартовском эпосе отношением к руке. В древнеперсидской истории хорошо известно личное столкновение за власть Артаксеркса II и его младшего брата. Одержав победу, Артаксеркс подошел к мертвому Киру, у которого, согласно персидскому обычаю, отрезали правую руку и голову, и, держа голову брата за волосы, всем ее показывал (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Артаксеркс.13).

Мотив отсечения руки продолжает традицию нартовского эпоса в осетинской сказке «Сын Сарта», где главный герой отрубает руки персидскому царю и привязывает их к седлу своего коня. По этим рукам и узнали, что сын Сарта отбил стада и табуны у персов. В этой же сказке речь идет о том, что главному герою грозят отрубить руки, повесить на седло и отправить матери. В легенде о набеге из Дигории в Гезе (Грузия), отряд по неосторожности потерял вожака, в результате чего Гекке, заместитель предводителя, перешел через Караугом обратно в Дигорию, чтобы пополнить дружину и отомстить за погибшего. В результате участники набега из Геза привели пленных, а также принесли ухо и руку убийцы вожака, князя Гезе, в знак совершенной мести [20, 79-90].

В предании о братьях Ларса и Хуха последний, отомстив за гибель брата и чувствуя, что его смерть близка, подошел к труп предводителя врагов, отрубил ему кинжалом правую руку по локоть, и привязал ее к седлу своей лошади. Ударив ее несколько раз плетью, сказал: «Ступай и доставь эту руку домой, пусть знают, как Хуха отомстил за смерть брата» [21, 733-740]. Мотив отрезанной руки встречается также в

осетинских фамильных преданиях, в других жанрах осетинского фольклора. По сообщению З. Н. Ванеева, в югоосетинском быту случай отрубания руки у кровника имел место еще в начале XX в. [22, 225]

Обряд отсечения руки как военного трофея и принесения ее в жертву Арею подробно описывается у скифов (Геродот. IV. 62,64). На общеиранские истоки данного мотива указывает наличие аналогичного эпизода в «Шахнаме»: герой Рустам во время боя отсек правую руку у своего противника Фаруди, отчего и наступила смерть последнего [23]. В среднеперсидском сочинении «Айяадгар-и Зареран» герой отрубает предводителю вражеского войска руку, ногу и ухо, а также выжигает огнем глаз [24, 143-148]. В эпосе индоскифских царей дома Салваханов, правителей Сиалкота в Пенджабе, главный герой, раджа Расалу, которого сравнивают с Индрой или Гераклом, отрубает правую руку дэва.

В погребениях скифских курганных могильников на территории Се-

верного Кавказа (Нартановском, Ассиновском), Поднепровья (Аксютини, Стайкин Верх, Крячковка) встречаются бронзовые уздечные бляхи в виде руки, которые заменяли настоящие отсеченные руки врага, которые, вероятно, привешивались к конской сбруе. В позднебронзовых комплексах кобанской культуры на территории Центрального Кавказа встречены крючки и привески в виде кисти и предплечья человеческой руки. Ученые-археологи установили бытование обычая отрубания руки и у сарматских племен [25, 150-153].

Нартовские сказания отражают социальные отношения, обычаи и обряды военизированного общества. Такие обычаи и обряды были характерны в древности для многих индоиранских народов, в том числе персов, скифов, сарматов, алан и др. на этапе разложения родового строя, когда основным фактором экономической стабильности общества являлись военные походы.

1. *Абаев В. И.* Нартовский эпос осетин // Сказания о нартах. М., 2000. С. 3-42.
2. *Иванчик А. И.* Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в переднюю Азию // Советская этнография. 1988. № 5. С. 42-43.
3. *Миллер В. Ф.* В горах Осетии. Владикавказ, 1998.
4. *Техов Б. В.* Кобано-тлийское графическое искусство. Владикавказ-Цхинвал, 2001.
5. *Калоев Б. А.* Осетины. М., 2009.
6. Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1925. Т. 1.
7. Нарты. Осетинский героический эпос. М., 1989. Кн. 2.
8. Нарты кадджыта. Владикавказ, 2003. Кн. 1. (на осет. яз.)
9. *Руденко С. И.* Второй Пазырыкский курган. Результаты работ экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР в 1947 г. Предварительное сообщение. Л., 1948
10. Аланика. Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах / Сост. и коммент. Ю. С. Гаглойти // Дарьял. 1999. № 2. [электронный ресурс]. URL: http://www.darial-online.ru/1999_2/gagloyti.shtml/
11. *Клейн Л. С.* Черепа, покрытые смолой, в погребениях эпохи бронзы // Советская этнография. 1961. № 2. С. 105-109.
12. Античные источники о Северном Кавказе. Нальчик, 1990.
13. *Грантовский Э. А.* О некоторых материалах по общественному строю скифов // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье / ред. Б. А. Литвинский. М., 1981. С. 59-79.
14. Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1927. Т. 1.
15. *Мизиев И. М.* Шаги к этнической истории Центрального Кавказа / под ред. В. Б. Виноградова. Нальчик, 1986.
16. *Далгат У. Б.* К вопросу о нартском эпосе у народов Дагестана // Нартский эпос: Материалы совещания 19-20 октября 1956 г. / ред. В. И. Абаев и др. Орджоникидзе, 1957. С. 154-157.
17. *Эльмурзаев С. Ч.* Общее и специфическое чечено-ингушских нарт-орстхойских сказаний в кавказском эпосе // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка, литературы и экономики. Вопросы чечено-ингушской литературы. Грозный, 1968. Т. V. Вып. 3. С. 73-95.
18. *Гаглойти Ю. С.* Избранные труды. Цхинвал, 2010. Т. 1.
19. Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948.
20. *Чибиров Л. А.* Волшебная чаша нартов: истоки и параллели // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2019. № 3. С. 79-90.
21. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2016. Т. 3.
22. *Ванеев З. Н.* Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвал, 1990. Т. 2.
23. *Фирдоуси.* Шахнаме. В 6 т. / пер. с фарси Ц. Б. Бану-Лахути. М., 1969. Т. IV.

24. Предание о сыне Зарера // Пехлевийская Божественная комедия. М., 2001. С. 143-148.

25. Пикалов Д. В. Близнечный культ и обычай отрубания руки у сармат // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. II. С. 150-153.

Chibirov, Lyudvig A. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); l.chibirov@mail.ru

Volnaya (Kertseva) Galina N. – RNO-A Institute for History and Archaeology (Vladikavkaz, Russia); gal.volnaya@yandex.ru

THE MILITARY CUSTOMS AND RITUALS IN THE OSSETIAN NART EPIC: THE ORIGINS AND PARALLELS.

Keywords: Ossetian Nart epic, military squad organization, military customs and rituals, cult of the wolf, scalping, cut off the head or hand of the enemy.

Currently, significant historical, linguistic, archaeological, ethnological material has been accumulated on the military rituals and customs of the Ossetians, which makes it possible to consider some of the storylines of the Ossetian Nart epic from new points of view. The novelty of the research lies in the fact that the article uses complex and interdisciplinary methods; the new material examines the historical origins of military customs and rituals traced in the Ossetian Nart epic, as well as their historical and ethnographic parallels. The aim of the study is to search for the origins of customs and rituals characteristic of the social stratum of male warriors described in the Ossetian Nart epic, as well as their parallels in historical descriptions and burial rites recorded by archaeology. The Nart epic describes the related customs of chopping off the enemy's head, scalping and cutting off the right hand. The Nart warriors are characterized by the rite of twinning, the dedication of a horse to the dead, and the veneration of a banquet bowl. To reconstruct ancient military customs and rituals in a comparative historical context, the authors analyzed data from archaeology, ancient and eastern sources, folklore and the Nart epic of the peoples of the Caucasus. Ethnological methods make it possible to reveal the remnants of military customs described in the versions of the Nart epic that exist among the peoples of the North Caucasus. Based on the analysis of the epic and comparing it with historical sources, the authors come to the conclusion that the Nart legends of the Ossetians reflect the social relations, customs and rituals of a militarized society. Similar customs and rituals were typical in ancient times for many Indo-Iranian peoples, including the Persians, Scythians, Sarmatians, Alans, and others at the stage of the disintegration of the tribal system, when military campaigns were the main factor in the economic stability of society. Some remnants of customs were preserved in the ritual practice of the Ossetians until the beginning of the 20th century (twinning, dedication of a horse to the dead, a glass of honor).

REFERENCES

1. Abaev, V.I. *Nartovskii epos osetin* [Nart epic of Ossetians]. *Skazaniya o nartakh* [Legends of the Narts]. Moscow, Nauka, 2000, pp. 3-42.

2. Ivanchik, A. I. *Voiny-psy. Muzhskie soyuzy i skifskie vtorzheniya v perednyuyu Aziyu* [Warriors the Dogs. Male unions and Scythian invasions in Southwest Asia]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1988, no. 5, pp. 42-43.

3. Miller, V.F. *V gorakh Osetii* [In the mountains of Ossetia]. Vladikavkaz, Alaniya, 1998. 520 p.
4. Tekhov, B.V. *Kobano-tliiskoe graficheskoe iskusstvo* [Cobano-Tlian graphic art]. Vladikavkaz-Tskhinval, Vladikavkaz Scientific Center, 2001. 316 p.
5. Kaloev, B. A. *Osetiny* [Ossetians]. Moscow, Nauka, 2009. 471 p.
6. *Pamyatniki narodnogo tvorchestva osetin* [Monuments of folk art of Ossetians]. Vladikavkaz, 1925, vol. 1. 114 p.
7. *Narty. Osetinskii geroicheskii epos* [The Narts. Ossetic heroic epos]. Moscow, USSR Academy of sciences, 1989, book 2. 492 p.
8. *Narty kaddzhyta* [Legends of the Narts]. Vladikavkaz, Iriston, 2003, book 1. 592 p. (in Ossetian)
9. Rudenko, S.I. *Vtoroi Pazyrykskii kurgan. Rezul'taty rabot ekspeditsii Instituta istorii material'noi kul'tury Akademii nauk SSSR v 1947 g. Predvaritel'noe soobshchenie* [The second Pazyryk barrow. The results of the expedition of the Institute for the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences in 1947. Preliminary report]. Leningrad, State Hermitage, 1948. 64 p.
10. *Alanika. Svedeniya greko-latinskikh, vizantiiskikh, drevnerusskikh i vostochnykh istochnikov ob alanakh-yasakh. Sost. i komment. Yu. S. Gagloiti* [Alanika. Greco-Latin, Byzantine, Old Russian and Eastern sources about the Alans-Yases. Comp. and comment. By Yu. S. Gagloiti]. *Dar'yal* [Darial]. 1999, no. 2. [electronic resource]. URL: http://www.darial-online.ru/1999_2/gagloyti.shtml
11. Klein, L. S. *Cherepa, pokrytye smoloi, v pogrebeniyakh epokhi bronzy* [Resin-coated skulls in Bronze Age burials]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1961, no. 2, pp. 105-109.
12. *Antichnye istochniki o Severnom Kavkaze* [Ancient sources about the North Caucasus]. Nalchik, 1990. 307 p.
13. Grantovsky, E. A. *O nekotorykh materialakh po obshchestvennomu stroyu skifov* [On some data on the social structure of the Scythians]. *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e. Red. B. A. Litvinsky* [The Caucasus and Central Asia in antiquity and the Middle Ages. Ed. B. Litvinsky]. Moscow, Nauka, 1981, pp. 59-79.
14. *Pamyatniki narodnogo tvorchestva osetin* [Monuments of folk art of Ossetians]. Vladikavkaz, 1927, vol. 1. 378 p.
15. Miziev, I.M. *Shagi k etnicheskoi istorii Tsentral'nogo Kavkaza. Pod red. V.B. Vinogradova* [Steps towards the ethnic history of the Central Caucasus]. Nalchik, El'brus, 1986. 184 p.
16. Dalgat, U.B. *K voprosu o nartskom epose u narodov Dagestana* [On the issue of the Nart epic of the peoples of Dagestan]. *Nartskii epos: Materialy soveshchaniya 19-20 oktyabrya 1956 g. Red. V. I. Abaev i dr.* [The Nart Epic: Proceedings of the meeting October 19-20, 1956. Eds. V. I. Abaev, et al.]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe izdatel'stvo, 1957, pp. 154-157.
17. Elmurzaev, S.Ch. *Obshchee i spetsificheskoe checheno-ingushskikh nart-orstkhoiskikh skazanii v kavkazskom epose* [General and specific of the Chechen-Ingush Nart-Orstkhoi legends in the Caucasian epic]. *Izvestiya Checheno-Ingushskogo NII istorii, yazyka, literatury i ekonomiki. Voprosy checheno-ingushskoi literatury* [Pro-

ceedings of the Chechen-Ingush Research Institute for History, Language, Literature, and Economy. Questions of Chechen-Ingush literature]. Groznyi, 1968, vol. 5, iss. 3, pp. 73-95.

18. Gagloiti, Yu. S. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Tskhinval, Iryston, 2010, vol. 1. 814 p.

19. *Osetinskie nartskie skazaniya* [Ossetian Nart legends]. Dzaudzhikau, Izdatel'stvo Severo-Osetinskoi ASSR, 1948.

20. Chibirov, L. A. *Volshebnaya chasha nartov: istoki i paralleli* [The magic bowl of the Narts: origins and parallels]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Khetagurova* [Bulletin of K. L. Khetagurov North Ossetian State University]. 2019, no. 3, pp. 79-90.

21. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh* [Periodic press of the Caucasus about Ossetia and Ossetians]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2016, vol. 3. 1224 p.

22. Vaneev, Z. N. *Izbrannye raboty po istorii osetinskogo naroda* [Selected works on the history of the Ossetian people]. Tskhinval, 1990, vol. 2.

23. Ferdowsi. *Shakhname. V 6 t. Per. s farsi Ts. B. Banu-Lakhuti* [Shahnameh. In 6 vols. Transl. from Farsi Ts. B. Banu-Lakhuti]. Moscow, USSR Academy of sciences, 1969, vol. IV. 458 p.

24. *Predanie o syne Zarera* [The legend of the son of Zarer]. *Pekhleviiskaya Bozhestvennaya komediya* [Pahlavi Divine Comedy]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2001, pp. 143-148.

25. Pikalov, D. V. *Bliznechnyi kul't i obychai otrubaniya ruki u sarmat* [Twin cult and the custom of chopping off the hand among the Sarmatians]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Kazan, 2014, vol. II, pp. 150-153.